

РАЗРАБОТКА ПРАВЯЩИМИ КРУГАМИ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОЛИТИКИ НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ В 1958–1960 гг.

Исследуется влияние произошедших в 1958 г. на Ближнем и Среднем Востоке событий (создание Объединенной Арабской Республики, внутривосточные кризисы в Ливане и Иордании, государственный переворот в Ираке) на политику США и Великобритании на Арабском Востоке.

Район Ближнего и Среднего Востока занимал особое место в политике Соединенных Штатов Америки и Великобритании после Второй мировой войны. Значение Ближневосточного региона определялось не только его нефтяными запасами, но и стратегическим местоположением, близостью к южным рубежам Советского Союза в частности.

В первые послевоенные годы усилия дипломатий ведущих стран НАТО были направлены на создание в Ближневосточном регионе военно-политической организации, встроеной в систему антисоветских блоков в различных регионах мира. Попытки привлечь к организации блоковой политики ключевую страну арабского мира – Египет, успехом не увенчались. Это, а также наличие острого арабо-израильского конфликта вынудили руководство Соединенных Штатов сосредоточить усилия своей ближневосточной блоковой политики в неарабских странах так называемого «северного яруса» региона – Турции, Иране и Пакистане [1. С. 192–193].

В 1955 г. была создана организация Багдадского пакта, в которую вошли Турция, Иран, Ирак, Пакистан и Великобритания. Лондону удалось настоять на включении в региональную организацию Ирака – единственного арабского участника этого блока, что объяснялось особыми интересами Великобритании в Персидском заливе и прочностью связей правящих кругов Англии и Ирака. Соединенные Штаты по тактическим соображениям решили не входить в Багдадский пакт, оказывая ему, тем не менее, моральную и материально-техническую поддержку.

Участие Ирака в Багдадском пакте было воспринято в Каире как угроза лидерству Египта в арабском мире. Президент Египта Г.А. Насер стал усиливать свои международные позиции, опираясь, в том числе, и на военно-техническую помощь Советского Союза. Игра египетского лидера на противоречиях США и СССР вызывала серьезную тревогу в Вашингтоне. В свою очередь, Лондон стал опасаться деятельности Насера, направленной против консервативных арабских монархий, которые являлись оплотом британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке.

С весны 1956 г. США и Великобритания стали оказывать политическое и экономическое давление на Египет. В ответ Г.А. Насер национализировал компанию Суэцкого канала. Осенью того же года состоялась англо-франко-израильская агрессия против Египта. Соединенные Штаты по соображениям своей внешней и внутренней политики предпочли выступить против этой акции. Добиться свержения Насера и возвращения Суэцкого канала под иностранное господство не удалось. В поддержку Египта активно выступил Советский Союз.

Рост престижа Г.А. Насера после Суэцкого кризиса 1956 г. и усиление влияния СССР в Ближневосточном регионе послужили причиной выдвижения администрацией американского президента Д. Эйзенхауэра новой инициативы, получившей впоследствии название «доктрина Эйзенхауэра». Целью этой доктрины провозглашалась борьба с «международным коммунизмом», но одной из главных задач была в действительности изоляция египетского президента в арабском мире. При этом Соединенные Штаты старались оставить открытой возможность нормализации американо-египетских отношений. Решению задач американской ближневосточной политики должно было способствовать усиление сотрудничества с консервативными арабскими режимами и укрепление Багдадского пакта. Реалии же развития стран Ближнего и Среднего Востока оказались сложнее, чем они представлялись разработчикам «доктрины Эйзенхауэра».

В феврале 1958 г. Египет и Сирия объединились, образовав Объединенную Арабскую Республику (ОАР) во главе с Г.А. Насером. Весной 1958 г. начались беспорядки в Ливане и Иордании, непосредственное участие в которых принимали местные пронасеровские силы. 14 июля 1958 г. рухнула монархия в Ираке. К власти в Багдаде пришли военные во главе с полковником А.К. Касемом. В этих обстоятельствах американскому руководству вполне реальной казалась возможность того, что скоро, по словам Д. Эйзенхауэра, весь Арабский Восток «окажется в руках Насера» [2. С. 209–210].

Еще большую тревогу испытывало британское правительство, опасавшееся, что сфера влияния президента ОАР распространится и на район Персидского залива. Премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан пытался убедить американское руководство начать масштабные военные действия на Ближнем Востоке. Правительство Д. Эйзенхауэра решило ограничиться высадкой американского десанта в Ливане. Великобритания в это же время перебросила свои воздушно-десантные части в Иорданию. Военное присутствие американских и британских войск было прекращено после стабилизации обстановки в Ливане и Иордании к осени 1958 г. и гарантий экономических интересов Запада со стороны Касема.

Государственный переворот в Ираке изменил соотношение сил на Ближнем и Среднем Востоке. Великобритания лишилась своего главного союзника в регионе – монархического режима в Ираке. Ближневосточные события 1958 г. демонстрировали и провал «доктрины Эйзенхауэра» в той ее части, которая предусматривала изоляцию Египта. Сложившаяся в регионе ситуация требовала пересмотра некоторых внешнеполитических установок США и Великобритании.

В Соединенных Штатах столкнулись две точки зрения о политике в отношении арабского национализма и его лидеров. Обе они исходили из признания национализма доминирующей силой на Ближнем и Среднем Востоке. Продолжение политики давления на Насера считалось неконструктивным. Различия наблюдались в оценке степени развития отношений с ОАР. В Министерстве обороны и Министерстве финансов Соединенных Штатов полагали, что США не должны радикально менять свою политику, связывая себе руки приоритетным сотрудничеством с Г.А. Насером, которого следует воспринимать только как лидера ОАР, но не всех арабов [3. С. 81–87; 114–124; 4. С. 174; 5. С. 161; 6. С. 154].

Другое мнение представляли сотрудники ближневосточного бюро Госдепартамента США, которые считали, что у американского руководства не остается другого выбора, кроме усиления сотрудничества с Г.А. Насером как с лидером всего арабского мира. Это мнение было поддержано директором Информационного агентства США Дж. Алленом, считавшим, что США должны пересмотреть свою политику в отношении всего так называемого третьего мира, более спокойно реагируя, в частности, на стремление лидеров этого мира придерживаться нейтралитета в глобальном противостоянии США и СССР.

Против мнения своих подчиненных выступил госсекретарь США Дж.Ф. Даллес. Глава американской дипломатии настаивал на том, что резкое улучшение отношений с Г.А. Насером невозможно, поскольку лидер ОАР по-прежнему видит своей целью подрыв западного влияния в арабских государствах. По мнению Дж.Ф. Даллеса, не следовало переоценивать влияние президента ОАР в арабском мире, равно как и целостность арабского националистического движения. Все, что необходимо делать Соединенным Штатам, утверждал госсекретарь, это ожидать, когда арабский национализм выдвинет лидеров, готовых бросить вызов Г.А. Насеру, влияние которого зависит от его внешнеполитических успехов, а они не могут длиться бесконечно [3. С. 98–99, 114–117, 127–128, 133, 155–156; 7. С. 464].

Главу Госдепартамента поддержал президент Д. Эйзенхауэр, обративший внимание своих помощников на то, что разворот в сторону активного сотрудничества с Каиром неминуемо вызовет негативную реакцию Израиля и, возможно, приведет к новой эскалации арабо-израильского конфликта [3. С. 81–87]. Идея продолжения поиска противовеса Насеру в арабском мире была также одобрена главой США, хотя особого выбора у американской дипломатии в этом плане не было, о чем свидетельствует неординарное, но вряд ли осуществимое предложение Д. Эйзенхауэра, озвученное им на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) США 31 августа 1958 г., о поддержке шаха Ирана в политике сдерживания влияния Насера в районе Персидского залива [3. С. 134].

Дискуссии о корректировке ближневосточной политики США продолжались до осени 1958 г. На эти дискуссии повлияло развитие ситуации в Ираке и ОАР и активизация действий Советского Союза. Первой внешнеполитической акцией нового иракского руководства стало признание ОАР и экстрадиция из страны политических оппонентов Насера. В Ираке имелись

сторонники вступления республики в ОАР, в основном среди членов иракского филиала партии Арабского социалистического возрождения (Баас) [11]. В начале октября 1958 г. Ирак заключил торговое соглашение с Советским Союзом и, как сообщала американская разведка, начал переговоры о поставках советского оружия [8. С. 190–195].

Недопущение усиления советского влияния было главной целью американской политики в регионе. Развитие советско-иракского сотрудничества тревожило и руководство ОАР. Г.А. Насер опасался, что Москва может полностью переориентироваться на сближение с Ираком, где, в отличие от сирийско-египетского государства, не преследовались коммунисты. Такой поворот в советской внешней политике мог существенно ослабить возможности Г.А. Насера на международной арене. О настроениях среди руководства ОАР свидетельствует беседа посла Каира в Соединенных Штатах М. Камеля с У. Роунтри – помощником госсекретаря США, в которой египетский дипломат отметил готовность ОАР сотрудничать с Соединенными Штатами и с другими арабскими государствами для противодействия распространению влияния коммунистической идеологии в Ближневосточном регионе [7. С. 465–466].

24 октября 1958 г. советское правительство выступило с заявлением об оказании экономической помощи ОАР для начала первого этапа строительства плотины на р. Нил близ г. Асуана. Решение об участии СССР в сооружении Асуанской плотины было согласовано между Москвой и Каиром еще до Суэцкого кризиса, а отказ США и Великобритании от финансирования этого проекта отчасти послужил причиной национализации различных вариантов действий, включая даже возвращение к американской идее реализации крупного проекта строительства плотины на Ниле с участием ОАР, Судана и Международного банка реконструкции и развития, Соединенные Штаты решили не реагировать резко на заявление советского правительства. В Вашингтоне посчитали, что сооружение Асуанской плотины вызовет большие трудности в экономике ОАР, станет тяжелым бременем и для Советского Союза и что рано или поздно власти сирийско-египетского государства обратятся за экономической помощью к Западу [7. С. 485–486, 488–490, 493–495].

4 ноября 1958 г. СНБ США одобрил обширный доклад, подготовленный межведомственной комиссией по ближневосточной политике. В преамбуле этого доклада, получившего в номенклатуре документов СНБ номер 5820/1, фактически признавался провал всех усилий ведущих западных держав по поддержке консервативных арабских режимов как противовеса Г.А. Насеру [3. С. 188]. Согласно этому документу цели ближневосточной политики США необходимо было разделить на главные и второстепенные. К первоочередным задачам американской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке относилось «предотвращение доминирования Советского Союза и сохранение доступа к ближневосточной нефти для обеспечения жизненно важных интересов Западной Европы на приемлемых условиях». Для достижения этих целей, указывалось в докладе, силы арабского национализма не обязательно

должны выступать в роли помехи, но, наоборот, они могут содействовать осуществлению ближневосточной политики США, учитывая болезненное восприятие арабами любых попыток со стороны ограничить их суверенитет и принимая во внимание заинтересованность арабских стран в стабильном поступлении доходов от добычи нефти.

К второстепенным задачам ближневосточной политики Соединенных Штатов директива СНБ 5820/1 относилась скорее к мирному разрешению арабо-израильского конфликта, обеспечению доступа США и их союзников к транспортной инфраструктуре региона, а также к важнейшим стратегическим объектам, включая военные базы, что требовало обеспечения транзита военной техники и живой силы. Усиление американских позиций в регионе нуждалось, как указывалось в докладе, в стабильном социальном и экономическом развитии стран региона [3. С. 188–189].

Директива СНБ 5820/1 закладывала основы долгосрочной политики США на Ближнем и Среднем Востоке. В этой политике значительная роль отводилась отношениям Вашингтона и Каира. Доклад СНБ подчеркивал необходимость «иметь дело с Насером как с главой государства, но не лидером всего арабского мира... используя любую возможность сотрудничества с ОАР, которая может ограничить контакты ОАР с советским блоком» [3. С. 195]. Таким образом, директива 5820/1 представляла собой компромиссный вариант двух точек зрения, возникших в Соединенных Штатах после июльской революции в Ираке. Особое внимание Совет национальной безопасности США уделял необходимости консультаций с Великобританией по широкому кругу проблем ближневосточной политики. В докладе межведомственной комиссии подчеркивалась необходимость «поддержания британских позиций в районе Персидского залива» [3. С. 192].

Свержение монархии в Ираке ускорило процесс пересмотра ближневосточной политики Великобритании, начатый после Суэцкого кризиса. Англия была вынуждена произвести перегруппировку сил, сосредоточившись на защите своих интересов в Кувейте и княжествах Аравийского полуострова, отказавшись от политики поддержания широкомасштабного политического влияния Лондона в Ближневосточном регионе через Багдадский пакт.

За период, прошедший после Суэцкого кризиса, как считал министр иностранных дел С. Ллойд, «репутация Англии в глазах арабского мира была существенно восстановлена», не в последнюю очередь благодаря применению Великобританией силы, а арабы уважают и признают силу [9. С. 240]. Это высказывание свидетельствовало о том, что глава британской дипломатии оставался приверженцем политики «игры мускулами», которую демонстрировала Великобритания во время Суэцкого кризиса. Вопрос о соотношении силовых и несиловых методов являлся центральным при обсуждении ближневосточной политики стана правящими кругами Великобритании.

Как и в Соединенных Штатах, в Великобритании дискуссии о политике страны на Ближнем и Среднем Востоке выявили расхождение мнений. Комитет начальников штабов (КНШ) Великобритании настаивал

на сохранении военного присутствия британских войск в Иордании и американских сил в Ливане. Британские военачальники были уверены, что вывод войск лидирующих стран НАТО из этих арабских государств приведет к быстрому поглощению их Объединенной Арабской Республикой. Последствием этого станет вытеснение Англии из Аравийского полуострова и ослабление британских позиций в Африке, Малайзии и Сингапуре [10. С. 139–140].

Кабинет министров Великобритании не поддержал мнение КНШ. 22 июля 1958 г. на заседании британского правительства было решено, что военная операция, подобная той, что осуществлялась в Иордании, не может быть основой долгосрочной политики по поддержанию стабильности в регионе и обеспечению доступа к нефти. В той или иной форме Великобритании придется сотрудничать с растущим арабским национализмом, используя неизбежные, по мнению англичан, разногласия между Каиром, Багдадом и Дамаском [8. С. 179]. В то же время британское руководство не исключало возможности организации силового давления на Ирак, но только при участии США.

Противоположной мнению британских военных являлась позиция ряда представителей Великобритании в Ближневосточном регионе. Они считали, что британское влияние следует поддерживать скорее политическими, чем военными методами. Так, губернатор Адена У.Г.Т. Люк отстаивал необходимость постепенного сворачивания британского военного присутствия на Аравийском полуострове. Чем дольше английские войска остаются в регионе, доказывал глава аденской колониальной администрации, тем сильнее антибританские настроения в регионе [12. С. 164].

Предложение У.Г.Т. Люка не было поддержано британским правительством и КНШ. В руководстве Великобритании возобладало мнение, что вывод британских войск из Адена или прекращение протектората над Маскатом и Оманом ослабит всю систему британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, что негативно скажется на престиже Великобритании, на ее торговых и финансовых делах. В итоге было решено поддерживать сложившийся в регионе статус-кво, добиваясь равновесия в межарабском соперничестве [12. С. 165–166]. Эта тактика требовала нормализации отношений не только с революционным режимом в Ираке, но и с Объединенной Арабской Республикой.

В отличие от Соединенных Штатов, никогда не исключавших возможности нормальных отношений с Каиром, британскому руководству приходилось преодолевать свое резко негативное отношение к Г.А. Насеру и вполне понятную после Суэцкого кризиса неприязнь лидера ОАР к Великобритании. Эволюция британского подхода к Г.А. Насеру заметна в меморандуме премьер-министра Г. Макмиллана, в котором глава британского правительства осторожно отмечал: «есть шанс, что Насер... не безумец, а человек, искренне заинтересованный в процветании и экономическом развитии своей страны, прекрасно осознающий угрозу советского доминирования» [10. С. 143].

Как и американское руководство, британское правительство было уверено, что коренным образом изменить политику президента ОАР вряд ли удастся. В свя-

зи с этим для ведущих стран НАТО представлялось необходимым удерживать внешнюю политику Г.А. Насера в русле избранного им нейтралистского курса. Среди руководства британской дипломатии стало расти число сторонников «ревизионистского» подхода, теснивших дипломатов «имперской» школы. Так, назначенный осенью 1958 г. заместителем помощника министра иностранных дел Великобритании Р. Стивенс, работавший в свое время послом в Тегеране, достаточно точно определил ошибку западных держав в том, что они воспринимали Г.А. Насера как феномен арабского национализма, а не его симптом [13. С. 93]. Р. Стивенс сменил в Форин-офисе У. Хэйтера, который, занимая во время Суэцкого кризиса должность британского посла в СССР, был уверен, что Г.А. Насер являлся орудием в руках Советского Союза. «Ревизионистов» отличал более гибкий подход к вопросам внешней политики и отношений к странам третьего мира, лидеров которого британская дипломатия должна рассматривать как равных партнеров.

Различия во мнениях среди британских дипломатов отражали расстановку сил среди консерваторов, находившихся у власти. Довольно влиятельной парламентской «Суэцкой группе» – сторонникам жесткой линии поведения на Ближнем и Среднем Востоке, противостояли так называемые современные консерваторы, выступавшие за прекращение поддержки непопулярных монархических режимов и достижения соглашения с арабским национализмом. «Суэцкая группа» опиралась на поддержку министра по делам Содружества лорда Солсбери. «Современных консерваторов» поддерживали министр внутренних дел Р. Батлер, казначей министерства финансов Э. Бойл. Дискуссии по ближневосточной политике были частью серьезных дебатов по вопросам деколонизации [14. С. 183–186; 15. С. 80–83].

Сосредоточение на защите интересов в районе Персидского залива означало не только удержание британского доминирования в княжествах Аравийского полуострова, опираясь на военную базу в Адене и на традиционно сильные позиции Великобритании в Кувейте, но и сохранение британского влияния в Иордании. Крах монархического режима в Аммане мог послужить началом цепной реакции в княжествах Аравийского полуострова. «Особые» англо-иорданские отношения определялись не только ключевой ролью Лондона в создании Иордании, но и стратегическим значением Хашимитского королевства. В новой постсуэцкой стратегии Англии, сконцентрированной на Персидском заливе, Иордания должна была содействовать обеспечению защиты периферийных районов зоны жизненно важных интересов Англии, выполняя также роль важного транзитного пункта при решении военных задач британского командования.

Необходимость сохранения режима короля Хусейна не казалась столь очевидной в Вашингтоне. Американское руководство считало Иорданию искусственно созданным государством, жизнеспособность которого поддерживалась лишь благодаря экономической помощи извне. В меморандуме Дж. Аллена, подготовленном в ноябре 1958 г., утверждалось: «Пришло время признать, что Иордания не выживет и ее следует разде-

лить между Ираком, Сирией и, может быть, Саудовской Аравией». Эта идея нашла отражение в директиве СНБ 5820/1, в которой говорилось, что «Иордания может быть разделена и поглощена другими государствами» [3. С. 181, 196]. Не исключало американское правительство и возможности объединения Иордании с Ираком и возрождения, таким образом, Арабской Федерации, созданной в свое время в ответ на образование ОАР и распавшейся после июльской революции в Ираке [7. С. 476].

Эти варианты никак не устраивали Великобританию, и британские правящие круги предприняли активные попытки убедить Соединенные Штаты в стратегической и экономической значимости Иордании для Запада. В конечном счете возобладало желание Соединенных Штатов не обострять арабо-израильские отношения. Развал Иордании, как были убеждены в Вашингтоне и Лондоне, привел бы к тому, что Израиль попытался бы занять весь Иерусалим, а также западный, и не исключалось, что и восточные берега р. Иордан, находившиеся под контролем иорданских властей. С неохотой для себя Соединенные Штаты стали оказывать финансовую помощь Иордании, постепенно заменив Великобританию в качестве экономического «донора» режима короля Хусейна [3. С. 179; 16. С. 230].

В отношении других арабских стран серьезных расхождений между Вашингтоном и Лондоном не было. Негласный американо-британский раздел сфер ответственности на Ближнем и Среднем Востоке, осуществленный после Суэцкого кризиса, оставлял за Соединенными Штатами контроль за позициями Запада в странах «северного яруса» и в Восточном Средиземноморье, за исключением Кипра, где находилась крупная военная база Англии. Великобритания сосредоточилась на защите своих интересов по линии Аден – Оман – Кувейт. О наличии подобного раздела сфер влияния свидетельствовало упорное нежелание Соединенных Штатов участвовать в иорданской операции британской армии в 1958 г. В целом США стремились дистанцироваться в глазах арабской общественности от колониальной британской политики. Несмотря на совпадение стремлений американского и британского правительств установить деловые отношения с новым иракским режимом «на взаимовыгодной основе, включавшей готовность продолжать оказывать экономическую помощь... молчаливо соглашаясь, но активно не поощряя выход Ирака из Багдадского пакта» [3. С. 196–197], между Вашингтоном и Лондоном возникли некоторые разногласия в отношении пронасервских сил в Ираке.

Против правительства А.К. Касема активно действовала Баас, участвовавшая в нескольких заговорах по свержению правительства. Иракские заговорщики, как правило, пытались заручиться поддержкой Насера, реакция которого, впрочем, была весьма осторожной. Великобритания, считавшая одной из главных своих целей недопущение попадания Ирака под контроль ОАР, делилась с руководством Ирака добытыми обширной агентурной сетью британской разведки сведениями о заговорах [8. С. 196–197; 17. С. 127–135; 18. С. 6]. Антиправительственные мятежи жестоко подавлялись. В своей политической борьбе Касем опирался на

том числе и на Иракскую коммунистическую партию, что вызывало беспокойство Соединенных Штатов, для которых, в отличие от Великобритании, гипотетическая возможность появления «красного Ирака» была опасней, чем приход к власти в Багдаде пронасеровских сил.

В Вашингтоне не исключали, что сотрудничество Касема с местными коммунистами может привести к появлению правительства, контролируемого левыми партиями. Об определенной растерянности некоторых американских политиков свидетельствует подготовленный 1 апреля 1959 г. доклад помощника президента по национальной безопасности Г. Грея, в котором утверждалось, что в отношении ситуации в Ираке Соединенные Штаты «не в силах что-либо сделать. Это все равно, что смотреть фильм, неприятную концовку которого мы заранее знаем» [3. С. 402]. Директор ЦРУ А. Даллес охарактеризовал положение в Ираке как «самую опасную ситуацию из имеющихся в современном мире» [19].

В этих обстоятельствах СНБ США вновь вернулся к обсуждению давно предлагавшейся Великобританией совместной военной операции против Ирака. За новую интервенцию на Ближнем и Среднем Востоке выступал начальник Объединенного комитета начальников штабов Н. Туайнинг, его активно поддерживал Г. Грей. В результате дискуссий идея прямого военного вмешательства в иракские дела была отвергнута как чреватая ростом антизападных настроений в регионе и еще большим усилением позиций СССР. Было решено создать межведомственную рабочую группу для мониторинга ситуации в Ираке. Вскоре эта группа выступила с рекомендацией поддержки антикоммунистической деятельности Г.А. Насера, которая, как утверждалось, являлась «наиболее эффективным средством сдерживания Советского Союза в регионе» [3. С. 402–406, 410, 414–427].

В Великобритании, несмотря на давление со стороны военных, правительство также отказалось от идеи одностороннего (без поддержки американцев) силового давления на Ирак. Еще в начале 1959 г. А.К. Касем обратился к британским властям с просьбой о продаже оружия. После длительного обсуждения этой просьбы, 20 апреля 1959 г. правительство Г. Макмиллана решило продать Ираку партию оружия, посчитав, что «нет ничего плохого в том, что традиционный антагонизм между Ираком и Египтом будет продолжаться» [18. С. 11]. Многолетний опыт британской дипломатии позволял надеяться Лондону, что ему удастся успешно лавировать между Каиром и Багдадом, рассчитывая, что в этих арабских столицах предпочтут британское присутствие в Персидском заливе усилению здесь позиций своих соперников по межарабской борьбе.

Необходимость фундаментальных перемен в отношениях с арабским миром подчеркивалась и руководством Демократической партии США. Накануне президентских выборов 1960 г. кандидат от демократов Дж. Кеннеди настаивал на том, что США «поддерживали непопулярные и нестабильные антикоммунистические режимы, руководствуясь борьбой между Востоком и Западом ... Необходимо перестать насаждать нашу политику так грубо, что арабы уже считают собственный нейтралитет и национализм под угрозой» [20.

С. 107–109]. Однако во многом именно внутривосточные соображения сдерживали администрацию Д. Эйзенхауэра от выдвижения новых ближневосточных инициатив.

В июле 1960 г. Совет национальной безопасности США проанализировал полуторагодовой опыт действий Соединенных Штатов после вывода американских войск из Ливана. Американская администрация одобрила доклад, подготовленный экспертами Совета национальной безопасности совместно с Госдепартаментом США. В общих чертах этот доклад представлял собой обновленную версию директивы СНБ 5820/1. Изменения коснулись положения о применении силы в Ближневосточном регионе. Если в 1958 г. использование силы считалось возможным для сохранения доступа западных держав к нефти, то сейчас не исключалось применение силовых мер и для «предотвращения советского проникновения в регион, если мирных средств окажется для этого недостаточно» [3. С. 248–249, 259, 270]. Очевидно, что американское руководство имело в виду как демонстрацию силы по примеру ливанской операции 1958 г., так и военную операцию в Ираке в случае угрожающего для американских интересов развития отношения между Москвой и Багдадом.

Характерным был и отказ от разделения целей американской политики на Ближнем Востоке на первостепенные и второстепенные, хотя формулировка самих целей оставалась прежней. Существенная эволюция произошла в американском подходе к Иордании. В новой директиве СНБ не говорилось о возможности раздела этой арабской страны, а наоборот, утверждалось, что американским интересам не соответствует очередная эскалация арабо-израильского конфликта в результате «развала Иордании, который неизбежно приведет к схватке между иорданскими соседями за ее территорию» [3. С. 266].

Особое внимание в докладе Совета национальной безопасности было уделено американо-британским отношениям в Ближневосточном регионе. На заседании СНБ подчеркивалось, что потребление нефти в Западной Европе растет ежедневно на 320 тыс. баррелей и это вынуждает ведущие страны НАТО удерживать район Персидского залива в сфере своего влияния любыми способами, включая силу. Однако совпадение американских и британских интересов в регионе, как указывалось в докладе, не означает, что Вашингтон должен поддерживать любые инициативы Лондона в этом районе.

Великобритания испытала этот американский подход на себе в начале 1960-х гг., когда ее попытки подтолкнуть Соединенные Штаты к разработке совместных военных действий в районе Персидского залива закончились безрезультатно. Ставка британского руководства на межарабское соперничество оправдалась. В конце августа 1960 г. в Ливане состоялась конференция министров иностранных дел стран Лиги арабских государств, на которой выявились острые разногласия между ОАР, Иорданией и Ираком по палестинскому вопросу [21. С. 341–342]. Летом 1961 г. ОАР поддержала Великобританию во время так называемого кувейтского кризиса, вызванного территориальными претензиями Ирака в отношении Кувейта. И, наконец, осенью 1961 г. в ре-

зультате государственного переворота в Дамаске произошел распад ОАР, ознаменовавший провал панарабских устремлений Г.А. Насера.

Создание ОАР и революция в Ираке в 1958 г., казалось, подрывали основы как «доктрины Эйзенхауэра», так и британской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке. Фрагментация арабского националистического движения еще больше запутывала непростую меж-

дународную ситуацию в регионе. Однако когда «улеглись страсти», выяснилось, что новая ситуация в арабском мире создает как сложности, так и дополнительные возможности для ведущих стран НАТО. Соединенные Штаты стали стараться использовать силы арабского национализма в противостоянии с Советским Союзом, а Великобритания – для защиты своих интересов в Персидском заливе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пелунась М.Я.* Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке (1945–1956 гг.). Томск, 2003.
2. *Foreign Relations of the United States (FRUS).* 1958–1960. Wash., 1992. Vol. XI. Lebanon and Iraq.
3. *FRUS.* 1958–1960. Wash., 1993. Vol. XII. Near East Region; Iraq; Iran; Arabian Peninsula.
4. *Mufti M.* The United States and Nasserist Pan-Arabism // *The Middle East and the United States. A Historical and Political Reassessment* / Ed. by D. Lesch. Westview Press, 1996.
5. *Holland M.* America and Egypt: from Roosevelt to Eisenhower. Westport; London, 1996.
6. *Lane A.* Third World Neutralism and British Cold War Strategy, 1960–1962 // *Diplomacy & Statecraft.* 2003. Vol. 14, № 3.
7. *FRUS.* 1958–1960. Wash., 1992. Vol. XIII. Arab-Israeli Dispute; United Arab Republic; North Africa.
8. *Ashton N.J.* Eisenhower, Macmillan and the Problem of Nasser: Anglo-American Relations and Arab Nationalism, 1955–1959. L., 1996.
9. *British Documents on the End of Empire. Series A.* L., 2000. Vol. 4: The Conservative Government and the End of Empire, 1957–1964. Pt. 2. Economics, International Relations, and the Commonwealth.
10. *McNamara R.* Britain, Nasser and the Balance of Power in the Middle East: From the Egyptian Revolution to the Six Day War, 1952–1967. L.; N. Y., 2004.
11. *Ambrose S.* Rise to Globalism. N. Y., 1993.
12. *Heinlein F.* British Government Policy and Decolonization, 1945–1963. L., 2002.
13. *Blackwell S.* Pursuing Nasser: The Macmillan Government and the Management of British Policy Towards the Middle East Cold War, 1957–63 // *Cold War History.* 2004. Vol. 4, № 3.
14. *Туганова О.Э.* Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1960.
15. *Ball S.J.* Banquo's Ghost: Lord Salisbury, Harold Macmillan, and the High Politics of Decolonization, 1957–1963 // *Twentieth Century British History.* 2005. Vol. 16, № 1.
16. *Ashton N.J.* A «Special Relationship» Sometimes in Spite of Ourselves: Britain and Jordan, 1957–73 // *The Journal of Imperial and Commonwealth History.* 2005. Vol. 33, № 2.
17. *Dann U.* Iraq Under Qassem: A Political History, 1958–1963. L., 1969.
18. *Blackwell S.* A Desert Squall: Anglo-American Planning for Military Intervention in Iraq, July 1958–August 1959 // *Middle Eastern Studies.* 1999. Vol. 35, № 3.
19. *The New York Times.* 1959. 29 April.
20. *Kennedy J.F.* The Strategy of Peace. N. Y., 1960.
21. *Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ, 1947–1967: В 2 т. Т. 2: 1957–1967* / Отв. ред. В.В. Наумкин. М., 2003.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2008 г.